

Россія и Ближній Востокъ.

Великій историческій день приходитъ, по евангельскому слову, какъ тать въ нощи. Еще такъ недавно, во время балканскихъ войнъ, сдѣлалось очевиднымъ, что не въ очень далекомъ будущемъ станетъ вопросъ о существованіи Турціи, о судьбѣ Константинополя и проливовъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, и исторія насъ подводитъ вплотную къ этому основному вопросу русской внѣшней политики.

И даже болѣе, чѣмъ внѣшней политики. Ближній Востокъ связанъ съ глубокими основами русской культуры. Онъ связанъ съ тѣмъ пониманіемъ православія, которое выводитъ его изъ рамокъ національнаго вѣроисповѣданія и сообщаетъ ему вселенскій характеръ. Въ нашемъ прошломъ борьба съ „греческимъ“ духомъ въ церковной жизни представляла изъ себя скрытое выраженіе церковнаго націонализма. Правда, именно на Ближнемъ Востокѣ связь религіозно-церковной съ національной солидарностью крайне тѣсная. Въ 1822 г. собраніе въ Трезенѣ заявило, что всѣ обитатели турецкой имперіи, которые вѣруютъ въ Иисуса Христа, включаются въ новую греческую націю. Съ другой стороны, созданіе автокефальной болгарской церкви и экзархата въ 1870 г. подготовляло образованіе самостоятельнаго болгарскаго государства. Национальные антагонизмы и ненависти не останавливались у порога церкви. И всетаки оставалось чувство, что есть какой-то высшій порядокъ религіознаго единомыслія, обнимающій весь православный міръ, и что этотъ порядокъ есть одинъ изъ вѣчныхъ аспектовъ цѣлостнаго христіанскаго идеала.

Пусть тяготѣніе къ Ближнему Востоку не восходитъ къ XV столѣтію, и нѣкогда московскіе книжные люди считали судьбу Византіи—второго Рима—оконченной. Пусть сомнѣнія царя Алексѣя Михайловича, не взыщетъ ли съ него Богъ на страшномъ судѣ за то, что юдъ турецкимъ игомъ живутъ православные народы, — остаются только проявленіемъ благочестивой и впечатлительной натуры. Пусть въ XVIII в., до эпохи Потемкина и греческихъ проектовъ, развивается папская система „сѣвернаго аккорда“. Все же мы имѣемъ здѣсь традицію многовѣковую, хотя и прерывающуюся. Наши отказы отъ Ближняго Востока, наши разочарованія и рѣшенія ориентировать политику въ другую сторону, всегда оказывались временными. Мечтая утвер-

даться на берегахъ Тихаго океана, мы хотѣли „подморозить“ балканскія дѣла. Сила вещей возвратила насъ сюда. Замѣчательно, что чѣмъ живѣе чувствовались роковыя послѣдствія дальневосточныхъ иллюзій, тѣмъ крѣпче слагалось убѣжденіе, что надо вернуться на нашу историческую дорогу къ Константинополю.

На этой дорогѣ матеріальные интересы были связаны съ моральными: Знаменательно, что кучукъ-кайнарджійскій миръ, съ одной стороны, сдѣлалъ свободнымъ для русскихъ торговыхъ судовъ Черное море и проливы, а съ другой стороны, призналъ за Россіей въ извѣстной формѣ покровительство надъ православной церковью въ Константинополѣ и православнымъ населеніемъ дунайскихъ княжествъ. Екатерина стремилась разрѣшать восточный вопросъ лишь между Россіей и Турціей, но это даже въ ея эпоху оказалось неосуществимымъ; между ними стали другія европейскія державы, и постепенно сложилось представленіе, что рѣшающій голосъ здѣсь принадлежитъ европейскому концерту. Тѣмъ не менѣе оба мотива—стремленіе найти обезпеченный отъ случайностей выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное и дать самостоятельность христіанскимъ народностямъ Турціи—остаются неизмѣнными.

Мы имѣемъ періодъ послѣ ункіарь-скелесскаго договора 1833 г., когда проливы находились фактически въ рукахъ Россіи, когда по ея требованію Турція должна была запираеть Дарданеллы для военныхъ судовъ иностранныхъ державъ. Это привилегированное положеніе Россіи не удержалось, и уже въ 1841 г. лондонская конференція возстановила правила, запрещающія входъ въ проливы военнымъ судамъ всѣхъ государствъ, кромѣ Турціи. Съ другой стороны, не могъ удержаться и порядокъ нейтрализаціи Чернаго моря, явившійся результатомъ крымской войны. Въ общемъ оставалось положеніе, сформулированное въ англо-турецкомъ договорѣ 1809 г., подтвержденное на лондонскихъ конференціяхъ 1841 и 1871 гг., принятое и берлинскимъ трактатомъ. Вопросъ могъ идти только о томъ, представляетъ ли этотъ запретъ доступа въ проливы военныхъ судовъ обязательство передъ Турціей, отъ котораго послѣдняя могла освободить договаривающееся съ ней государство, или онъ является нормой международнаго права, соблюденіе коей есть обязательство передъ всѣми великими державами? Извѣстно, что Англія и Россія въ 1878 и 1898 гг. въ толкованіи этого пункта помѣнялись ролями.

Не разъ указывались преимущества наличнаго порядка для Россіи при слабости нашего военного черноморскаго флота. Но эта слабость не могла почитаться нормальнымъ и постояннымъ состояніемъ. Постройка линейнаго черноморскаго флота справедливо была признана насущной задачей государственной обороны. Главный мотивъ однако лежалъ не въ этомъ, а въ растущемъ торговомъ значеніи Чернаго моря. Послѣд-

нее неразрывно связано съ экономическимъ подъемомъ нашего юга,— подъемомъ, который далеко опережаетъ другія области Россіи. Быстро распахиваются эти необъятныя черноземныя степи, и ихъ травяной покровъ смѣняется волнующимся золотомъ пшеничныхъ полевъ. Быстро поднимаются на свѣтъ Божій пласты донецкаго угля. И если вообще прирость населенія Россіи вызываетъ у западныхъ изслѣдователей изумленіе своимъ темпомъ, это особенно относится къ югу. Нечего напоминать и о ростѣ городовъ въ этихъ губерніяхъ, о густой сѣти желѣзныхъ дорогъ (достаточно бросить взглядъ на карту Екатерининской ж. д.), о развитіи здѣсь дѣятельности мѣстнаго самоуправленія. Земская выставка, бывшая лѣтомъ 1909 г., показала, какіе крупныя результаты въ экономической жизни края здѣсь достигнуты. Но чѣмъ интенсивнѣе поднимаются производительныя силы и культура нашего юга, тѣмъ болѣе онъ связывается съ Чернымъ моремъ. Впрочемъ, и вообще черноморскій экспортъ занимаетъ все большее мѣсто въ торговыхъ оборотахъ Россіи, несмотря на слабость у насъ торговаго мореплаванія и большое количество грузовъ, отправляемыхъ на греческихъ судахъ. Уже во время итальянско-турецкой войны было видно, какимъ бѣдствіемъ является закрытіе проливовъ, хотя бы на нѣсколько дней. Для Россіи необходима дѣйствительная гарантія того, что они не могутъ быть каждую минуту закрыты.

Въ чемъ можетъ быть найдена подобная гарантія? Въ томъ, что на проливахъ не появится сила, могущая быть враждебной Россіи. Можно, напримѣръ, защищать нейтрализацію проливовъ наподобіе того, какъ нейтрализованъ Суэцкій каналъ. Но важно, чтобы за этой юридической нейтрализаціей не создалось фактическое господство. Въдѣ и съ Турціей, ослабленной балканскими войнами, можно было бы мириться, если бы самая эта слабость не ускоряла превращенія ея въ форпостъ германизма. Роковымъ образомъ Турція или, лучше сказать, ея полштанствующіе авантюристы настолько связались съ дѣломъ германизма, что нельзя сокрушить его на Босфорѣ, не нанеся окончательнаго удара оттоманской державѣ. Ясно, что долженъ быть приобрѣтенъ свободный выходъ въ Эгейское море для нашихъ судовъ, торговыхъ и военныхъ, и что если для этого необходимо овладѣніе проливами, мы должны ими овладѣть. Едва ли здѣсь есть какая-нибудь опасность разногласій между союзниками. Для насъ проливы имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для какой-нибудь другой европейской державы. Въдѣ самый Константинополь въ міровой торговлѣ постепенно теряетъ свое значеніе, уступая его уже давно Салоникамъ. Границей русскихъ владѣній могла бы служить та линія Энось-Мидія, которая на Лондонской конференціи 1913 г. предполагалась въ качествѣ турецко-болгарской границы.

Самый вопрос о Константинополѣ, говорящій много воображенію и чувству, не можетъ быть однако разрѣшенъ лишь голосомъ этого чувства. Опять-таки мы не могли бы допустить утвержденія здѣсь другой державы, хотя бы формально Константинополь былъ признанъ вольнымъ городомъ. Соображенія, высказанныя нѣкогда императоромъ Николаемъ I, почему для Россіи Константинополь былъ бы опаснымъ даромъ судьбы, сейчасъ интересны болѣе исторически, хотя указанные имъ трудности остаются и теперь. Для насъ важнѣе владѣніе берегами Босфора, чѣмъ Золотого Рога, и мы вполне могли бы примириться съ Константинополемъ, который сталъ бы дѣйствительно вольнымъ городомъ, никому не угрожающимъ, подъ протекторатомъ Россіи. Само собой разумѣется, организація городского строя при такой разноплеменности, при отсутствіи органической связи между частями (что общаго у Стамбула, Галаты, Перы) представляетъ огромныя проблемы. Протекторатъ Россіи необходимъ здѣсь уже ради того, чтобы обезпеченъ былъ общій миръ. Религіозная же сторона не должна быть смѣшиваемая съ политической, какъ это часто дѣлается. Крестъ на Св. Софіи можетъ сіять и надъ Константинополемъ, превращеннымъ въ такой вольный городъ. Легче было бы сохранить и въ немъ положеніе константинопольскаго патріархата. Для насъ смыслъ борьбы—въ достиженіи свободнаго моря и въ сокрушеніи германизма на Босфорѣ. То и другое диктуется не только потребностями государственной обороны, но и всего экономического развитія Россіи. Въ общемъ же то и другое приводитъ къ завершенію историческихъ задачъ на проливахъ.

Остается другая сторона—завершеніе освободительнаго дѣла Россіи. Многострадальный армянскій народъ, испытавшій въ концѣ XIX вѣка такія неслыханныя злодѣянія отъ турецкихъ властей, дѣйствующихъ непосредственно или черезъ курдовъ, призывается къ новой жизни. „Нынѣ отпущаеши!“ Менѣе года тому назадъ вопросъ о реформахъ въ Арменіи оставался весьма неопредѣленнымъ. Проектъ, который поддерживало русское министерство иностранныхъ дѣлъ, основанъ былъ на допущеніи въ извѣстныхъ предѣлахъ европейскаго контроля,—контроля дѣйствительнаго („les puissances assureront de l'exécution de toutes les dispositions arrêtées“), а не мнимаго, къ которому свелась, на примѣръ, роль по мюрцштегскому соглашенію гражданскихъ агентовъ при Хильми-пашѣ. Но правительство Энвера-паши, поощряемое, вѣроятно, появленіемъ Сандерса на берегахъ Босфора и упоенное успѣхомъ адрианопольской авантюры, оказывало обычное противодѣйствіе, несмотря на рядъ уступокъ по сравненію съ первоначальнымъ проектомъ, особенно же отвергало всякій дѣйствительный контроль. Въ настоящее время этотъ гордіевъ узелъ развязывается самъ собой, и побѣдоносное шествіе нашихъ кавказскихъ войскъ приноситъ армянскому населенію

благую вѣсть. Понятенъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ армянское население Россіи откликнулось на извѣстіе о войнѣ. Нельзя не указать здѣсь и на благія послѣдствія того духа мудрой терпимости и благожелательства, который такъ проникалъ дѣятельность намѣстника на Кавказѣ по отношенію и къ армянамъ, и ко всѣмъ другимъ разнообразнымъ національностямъ и который въ настоящія минуты такъ облегчаетъ наши военные задачи. Эта солидарность народовъ Кавказа есть цѣнный залогъ и внутренняго мира и грядущей плодотворной дѣятельности Россіи на азіатскомъ Ближнемъ, а можетъ быть, и Среднемъ Востока. Въ частности, армянское населеніе, сохраняя всю свою національно-культурную самобытность, подъ сѣнью и защитой Россіи, несомнѣнно, приметъ самое широкое участіе въ этой дѣятельности.

Часто указывалось, что эта освободительная миссія Россіи есть своеобразное политическое донкихотство, забвеніе того здороваго эгоизма, который долженъ быть основой внѣшней политики каждаго государства. Въ этомъ настроеніи есть дѣйствительно нѣкоторое здоровое ядро, поскольку оно является сдерживающимъ мотивомъ передъ рѣшеніями, влекущими за собой великую отвѣтственность. Во время балканской войны намъ предлагали изъ судьбы Дураццо и образованія Албаніи сдѣлать *casus belli*—къ счастью, наше министерство иностранныхъ дѣлъ дало энергичный отпоръ этимъ безотвѣственнымъ призывамъ, и въ этомъ—одна изъ несомнѣнныхъ заслугъ С. Д. Сазонова. Но создается великое извращеніе исторической перспективы, когда видятъ лишь пагубную растрату народныхъ средствъ и силъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—8 гг. Можно ли такъ оцѣнивать подлинный народный энтузіазмъ, который въ ней проявился? Какая искусственная агитація могла бы его вызвать? И въ еще несравненно большей степени относится это къ войнѣ современной, гдѣ освободительныя задачи для Россіи, какъ и для ея союзниковъ, не суть дополненія къ образовавшейся политической конъюнктурѣ, а прямыя изъ нея слѣдствія,—изъ политической конъюнктуры, которую создали не мы, а наши враги. Поэтому и на Балканскомъ полуостровѣ открытіе въ полномъ объемѣ восточнаго вопроса должно привести къ существенному исправленію тѣхъ нарушеній національной справедливости, которыя были допущены въ бухарестскомъ договорѣ.

На порогъ новаго историческаго періода стоимъ мы, и передъ нами встаютъ уходящія въ глубь вѣковъ воспоминанія, и въ то же время уже чувствуемъ мы дыханіе новой жизни, гдѣ раскроется полнота матеріальныхъ и духовныхъ силъ русскаго народа и гдѣ эти силы послужатъ не только его національному самоутвержденію, но и осуществленію общечеловѣческихъ, вселенскихъ началъ.

С. Котляревскій.